

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ для дополнительного образования*

Книги серии
ИСТОРИЯ РОССИИ
издательства «Белый город» признаны
лучшими книгами 2000 года

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

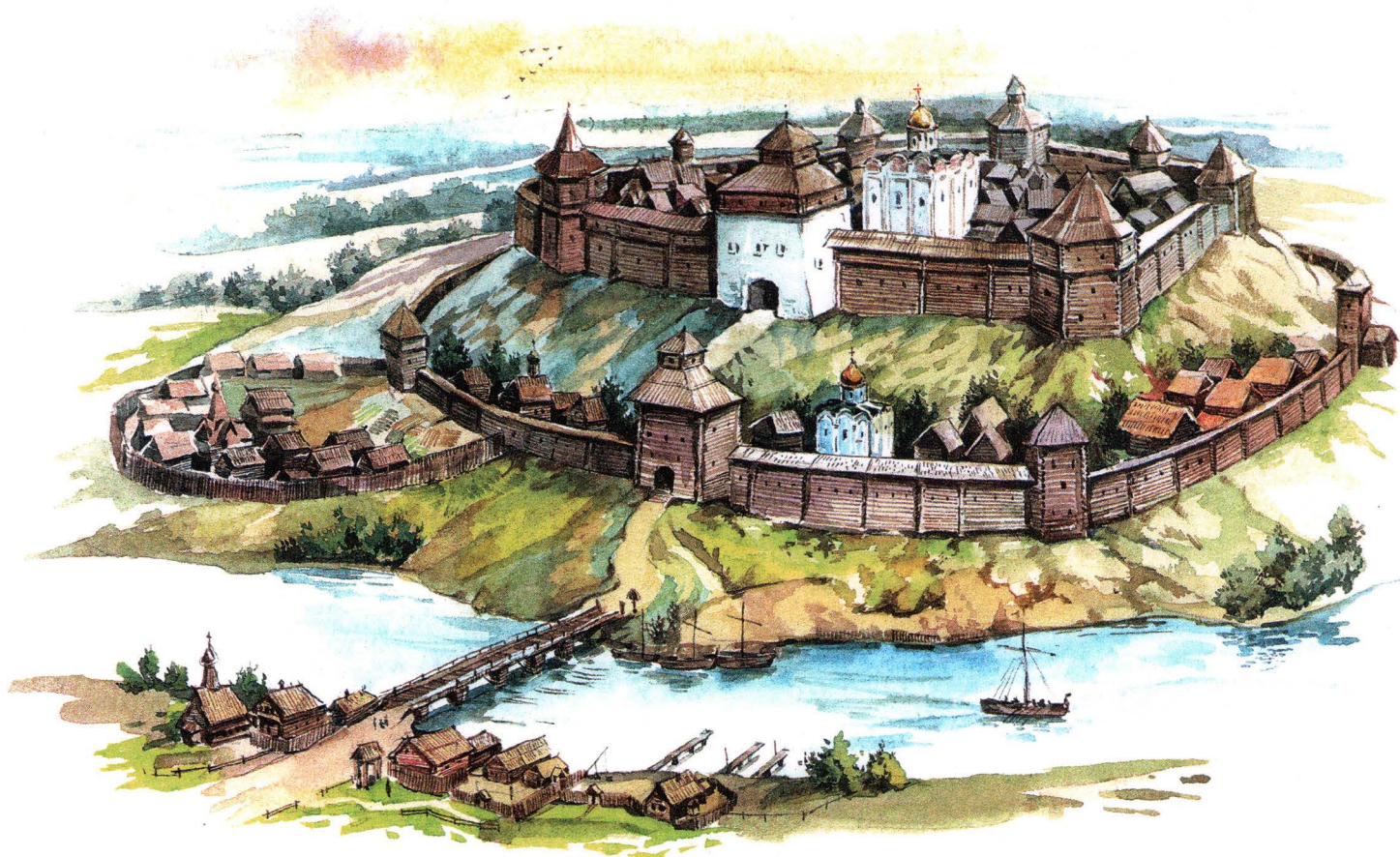
Повесть Ю. Крутогорова
Художник М. Иванов

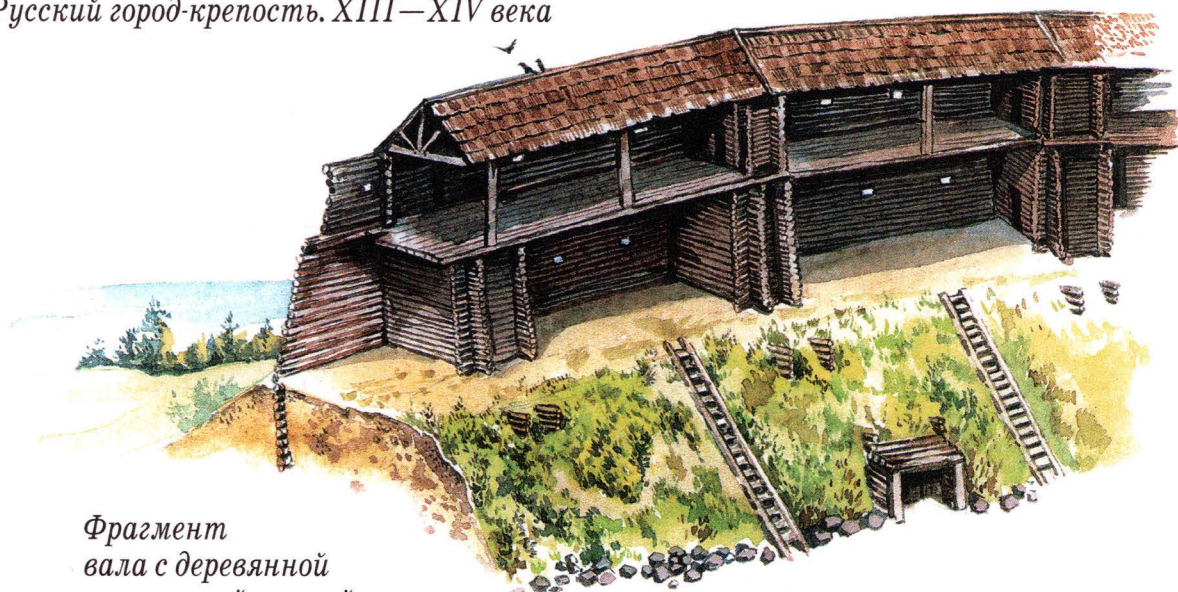
БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2003

ДРЕВНЕРУССКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ. XIV ВЕК

Русский город-крепость. XIII—XIV века

*Фрагмент
вала с деревянной
крепостной стеной
XIII—XIV век*

«ОКАЯННЫЕ ИНОПЛЕМЕННОКИ»

Скоро полтора века, как Русь изнемогла под тяжестью татаро-монгольского ига. В народе хорошо помнили о нашествии Батыея, когда он со своими полчищами обратил города в развалины, пожег деревни и села, увел в полон тысячи и тысячи женщин, юношей, детей. Сил не доставало, чтобы дать отпор поработителям. Приходилось с ними, как ни горько, мириться. Сам Александр Невский, победитель шведов и немецких псов-рыцарей, вынужден был посещать столицу ханскую Сарай и, смилив гордость, откупаться от татарского гнева. И смиренно получать ярлык — великоханское разрешение — на то, чтобы занимать княжеский престол.

Были в окружении Александра Невского люди, которые советовали ему поднять дружину против поработителей земли русской. Но он знал: не совладать с Ордой. Явятся ее полчища в Великий Новгород, камня на камне от него не оставят. Терпел Александр Невский врага, чтобы, как он мудро говорил, «соблюсти тишину в государстве».

Не повернется язык, чтобы за такое смирение упрекнуть Александра Нев-

ского. Мужественный князь понимал: не пришло время поднимать Русь на «окаянных иноплеменников», как их звали в народе. Князья русские, ведающие своими уделами — областями, — в раздоре жили. Зависть, спесь, мстительность разъединяла их, мешала сплотиться, встать плечом к плечу.

Так было все полтора века татарского лихолетья.

Жесточайшие поборы, презрение ино-
племенников ко всему русскому, не-
навистное их господство побуждали
многих уходить в так называемое пусты-
ножительство, подальше от глаз люд-
ских.

Вот так однажды снялся с родных
мест обедневший боярин Кирилл с семь-
ей. Мочи не стало терпеть. Вместе с дву-
мя сыновьями покинул Москву и посе-
лился в городке Радонеж. Младшего
сына звали в миру Варфоломеем. Был он
набожен, денно и ночью молился и ско-
ро постригся в монахи, принял «ангель-
ский образ». Взял новое имя — Сергей,
уединился в дальнем лесу, выстроил то-
пориком малую церковку, где постом
и молитвой угождал Господу.

Слух о преподобном Сергии прокатил-
ся по Руси, к нему стали стекаться
монахи, калики переходящие. Сергей при-
нимал несчастных, больных, стражду-
щих — всех лечил словом, утешал, об-
надеживал, благословлял. И скоро вокруг
малой лесной церковки поселились дру-
гие иноки. Сначала возник монастырь.
Позже он стал называться лаврой. Так
шли годы. Сергию пошел шестой деся-

ток, когда ему сказали, что из Москвы
к нему спешит великий князь Дмитрий
Иванович.

— Святой отец, преподобный Сергей,
будет князь просить божьего благосло-
вления перед испытанием, что ему нис-
послано.

— Верный он государь земли русской.
Надежный защитник своего Московско-
го княжества. Благословлю его — хоть
на труд честный, хоть на подвиг во имя
служения Господу, хоть на битву.

Знал уже преподобный Сергей, на ка-
кой подвиг решился великий князь. И го-
тов был принять его как сына родного.

Был на Руси год 1380-й.

Но мы вернем наш рассказ на трид-
цать лет назад.

РОДИЧИ

Великий князь Московский и Владимирский Дмитрий, прозванный Донским, родился в 1350 году. Он рано потерял родителей, воспитывал его сам митрополит Алексей — один из самых уважаемых и просвещенных людей того времени. Он еще «детисцем изучил все грамоты, а в юности все книжки прочитал».

Митрополит не только обучал княжича, но объяснял, что значит властвовать, как приближать добрых людей, опасаться дурных, словом, «прилагал все старания чтобы сохранить дитя и удержать за ним страну и власть». Так оповестит нас, дальних потомков, летописец, который с юных лет и до смерти будет рядом с Дмитрием.

Как бы хотелось знать имя этого удивительного книжника-летописца! Увы, он не подписывал своих творений. Но остались строки его.

Малолетний Дмитрий проявлял большой интерес к истории своего рода, гордился, что зеленая веточка его родичей тянется к нему от Владимира Красное Солнышко, Юрия Долгорукого, Александра Невского. Это были далекие предки, о них остались песенные сказы, героические былины, красивые легенды.

Что же касается деда — Ивана Калиты, то остались люди, которые хорошо его помнили.

Иван Калита крепко держал власть, беспощадно расправлялся с теми, кто посягал на трон. Единение, крепость Руси были главным его делом. Всякий лоскуток ближней или дальней земли, присоединенный к Москве, ценил как великую драгоценность.

Про Ивана Калиту наплели рассказней, что он, дескать, был скуп. Уже после смерти его будут рисовать так: сидит на троне, в руке скипетр, а к поясу прикреплен приличного размера и веса ко-

шелек. Вот какой жадина и скупец. Но не был таким Иван Калита, не для себя он собирал и копил золото-серебро, не в сундуках его держал. Всю казну тратил на приобретение все новых земель для Московского княжества. В его правление в московское семейство городов вошли Серпухов, Кашира, Углич, Кострома, Галич, Звенигород. В Кремле выстроил невиданной красоты царский терем. Не с этого ли чуда разошлись дивные терема по русским сказкам, былинам, сказаниям?

Старший сын Калиты Симеон Иванович тоже строго следил, чтобы удельные князья, да и воеводы впридачу, не заносились, не воротили носы от стольного града Москвы. Симеон ужасно возгордился, что ему достался трон, и первым велел именовать себя не иначе как

великим князем Всея Руси. Он многих сумел поставить на место. Даже Литву, которая только и искала случая, чтобы досадить Москве, и ту заставил «со многими дарами просить мира». Пусть злобась, но признали силу Симеона, правда, до поры до времени. Скоро не упустят случая — выступят против Руси. К государеву титулу Симеона прибавилось еще одно имя — Гордый. Симеон Гордый — так он и войдет в историю, хотя, сказать правду, и ему пришлось смиряться перед Золотой Ордой, ездить туда за проклятым ярлыком, без которого не имел права властвовать в своем княжестве. Татары терпели Симеона Гордого, милостиво принимали его дорогие подношения.

Вот, наконец, на престоле батюшка княжича Дмитрия — Иван Иванович, прозванный Красным. Добрый отец, любящий, заботливый. Он в сыне души не чаял. И показывал, как надо беречь княжество, строить церкви, монастыри, развивать различные ремесла. В пору его княжения в посадах появились целые улицы мастеровых — каменщиков, плотников, кузнецов, ткачей. При нем же начали чеканиться первые медные и серебряные монеты. Княжич любил пересыпать звенящие денежки из ладошки в ладошку. Не от жадности, этого не знал — игра веселая. На монетках разглядывал чеканки, например, витязя, поражающего мечом дракона крылатого. Имелась — вот огорчение! — монета, где чудище брало верх над витязем. Кому, скажите, понравится?

— Зачем так придумали? — обиделся Дмитрий.

— А чтоб витязь всегда был к бою готов, — объясняли княжичу.

Кто враги, Дмитрий рано узнал. Они все время мельтешили перед стрельчатыми окошками кремлевского терема. Хозяева жизни, покорители русской земли — вот как вели себя. Низкорос-

лые татарские лошади. Унизанная драгоценностями упряжь. Цветные попоны. Узкоглазые всадники с хриплыми гортанными голосами, в расшитых халатах, лисьих шапках, с плетками наезжали на москвичей, если те не успевали уступить дорогу. Могли плеткой по лицу хлестнуть, а то и сабелькой полоснуть. Не любили, когда их властителя называли ханом. Не хан, но царь Золотой Орды!

Иван Красный, увы, тоже клонил голову перед завоевателями, и юного княжича это сначала удивляло, затем понял — нельзя иначе. Но с ранних лет возненавидел басурман, как называли татар. Вот они-то и есть драконы, змеи крылатые. Поотрубить бы им хищные головы и крылья!

А батюшка рано помер, едва Дмитрию исполнилось десять лет. И, когда сядет на великокняжеское кресло отроком, повелит отлить монету с рисунком витязя, который копьем поражает гада, а конь давит его копытами. Так войдет в предания, в молитвы, в легенды сам Георгий Победоносец, побеждающий страшного врага. В народе же Победоносца ждали наяву — так верили в небывалую силу и храбрость Георгия.

После смерти Ивана Красного остался еще один отрок, которого великий князь почитал за сына — это был малолетний племянник Владимир. Велел Дмитрию и Владимиру дружить, не делить ничего в свою пользу, а делать все только на пользу отечества. Оба до самой смерти будут верны этому завету.

— Сыне мой, — говорил батюшка Дмитрию, — не дай затухнуть горячей свече нашего рода. Трудно тебе станет жить. Чужаки на нашей земле. Грабят нас. И князья удельные готовы разбежаться — каждый в свою сторонку, в выгоду себе. Все власть хотят урвать. Не давай им этого. Да единой будет наша московская земля!

МЛАДЫЕ ЛЕТА ДМИТРИЯ

Набеги татар. Распри между местными князьками и боярами. Как же не оторвать лакомого куска от слабеющего княжества?

Литовцы готовы вот-вот ударить по «московитам». Тут еще обрушилось несчастье — мор. Даже самые ученые люди не ведали, как с ним справиться. Болезнь и смерть настигали человека в течение суток. Живые не успевали хоронить мертвых. Сколько деревень появилось, где не осталось ни одной живой души.

Вот в какую пору батюшка передал сыну «свечу негасимую», княжескую шапку, бармы — иначе говоря, золотое оплечье, дарованное византийскими императорами.

Младые годы Дмитрия. О них написал книжник-летописец, оставивший нам жизнеописание великого князя:

«И когда княжич воспарил и воспринял скипетр державы Русской, престол земного царства, отчизну свою, по дарованной ему от Бога благодати, еще юн он был годами». Духовным предавался де-

лам, праздных бесед не вел, непристойных слов не любил, злонравных людей избегал. И Священное писание всегда слушал, о церквах усердно заботился. Любил церковную службу, знал псалмы, пел их, стоя перед алтарем.

Не только этим заполнялись дни его детства. В нем рано проснулся боевой дух воина. Учился верховой езде, метал копьё, целился из лука, познавал тяжесть меча.

Двоюродный брат Владимир, получивший в наследство город Серпухов, большую часть времени жил в Москве, рядышком с Дмитрием. Не было случая, чтобы братья ссорились. Неразрывная истинная братская дружба, в ней нет зависти и корысти.

Но сколько тому иных примеров на Руси! В детстве княжичи не разлей вода: общие потехи, совместное учение, но чем ближе юность, тем непреодолимее преграда: власть слепит глаза, взаимное подозрение, зависть, злоба, кровь.

Чтобы такого не случилось между Дмитрием и Владимиром, митрополит Алексей решил скрепить их родство святым крестом и клятвой.

И вот двоюродные братья, великий князь Московский Дмитрий и князь Серпуховской Владимир, стоят перед святителями. Белоголовые, крепкого сложения юноши. На них голубые плащи, сапожки из сафьяна, расшитого серебряными нитями.

Владимир на три года младше брата Дмитрия. Великого князя он почитает с малых лет, с молоком матери впитал это чувство.

Но разве словами выразишь то, что в душе? Как не исполнить просьбу митрополита? И Владимир уверенным, по-юношески звонким голосом произносит:

— Клянусь жить подобно нашим родителям и нашему общему деду Калите. Мне, Владимиру Андреевичу Серпуховскому, уважать тебя, великого князя, как отца, и навечно повиноваться твоей верховной власти.

Говорит Дмитрий:

— А я клянусь, как старший брат, не обижать тебя и любить, как меньшого. Каждый из нас да владеет своей вотчиной бесспорно. Пусть всегда у нас будут общими как приятели, так и враги.

— Узнаем ли какой злой умысел против нас, объявим об этом немедленно друг другу, — обещает Владимир.

Дмитрий говорит:

— Наши бояре могут свободно переходить от тебя ко мне, от меня к тебе. И не будет тому препятствий. Ни мне в твоём, ни тебе в моем уделе не покупать сел, не брать людей в кабалу, не судить и не требовать дани — жить лишь для общей пользы великого Московского княжества, для дружбы и честной жизни.

Крепчает голос Владимира:

— А ежели какое выйдет меж нами несогласие или между боярами нашими, спор решать не кровью, но судом третейским.

— Да будет так! — целует Дмитрий крест. — Ты, меньший брат, участвуй

в моих походах воинских, имея под знаменем всех бояр и слуг своих.

— Клянусь!

— Клянусь!

И эта клятва, скрепленная святым крестом, ни разу не будет нарушена, она соединит братьев до их смертного часа.

И в воинских походах будут неразлучны. Рука об руку будут действовать в столкновении Дмитрия с князьями суздальскими и галицкими — на особицу жить хотели. И в походе на Тверь были вместе. И в обороне Москвы от набегов литовского князя Ольгерда крепко стояли один за другого. И даже в защите Пскова от ливонских рыцарей на смерть дрались братья, подобно их предку общему — Александру Невскому.

Не так часто подобное встречается в русской истории. Два княжеских отрока, двоюродных брата, поклявшись в молодые лета на кресте, ни разу — ни на день, ни на час — не отступили от детской своей присяги. И честно пронесли ее через лихолетье, невзгоды, тревоги своего века.

НЕДРУГИ

Конечно, главными недругами Руси в ту пору были татаро-монгольские ханы, мурзы, их темники — военачальники. Варвары истощали Русь. Набеги ино-племенников становились все чаще.

В семнадцать неполных лет великий князь Дмитрий созвал отовсюду мастеров каменного дела. Немного тогда их набралось, процветало древнее ремесло деревянного зодчества. Все ж нашлись знающие о тайнах кирпичной кладки, мастера обжига глины, выделки каменных глыб. Так, на Боровицком холме стал возводиться просторный каменный пояс со многими воротами — во все концы, со многими башнями-бойницами. Кремль, ранее прозванный «детинец», становился хорошо укрепленной крепостью.

Однако юного князя не меньше беспокоили свои же сородичи, из одного гнезда. Одним из них стал Олег Иванович, князь Рязанский. Никак не желал смириться Олег, что не он на престоле. И оттого еще при Иване Красном, не без помощи татаро-монгол, участвовал в свирепых набегах на Московское княжество.

Не могло бесконечно продолжаться злое противостояние между Москвой и Рязанью. Олег собрал крепкую дружину, воеводы, бояре рязанские его поддержали.

Олег Иванович, князь Рязанский (1350—1402), был старым недругом Москвы и ее князей. Он не раз вступал в сделки с Золотой Ордой. После Куликовской битвы бежал из своего княжества. В 1386 году Олег и Дмитрий заключили соглашение о мире.*

— Други мои! — обратился Олег к дружине. — Нам нужны не щиты и не копья, а только лишь одни веревки, чтобы брать москвичей в плен. Куда им до нас, боязливы они и слабы.

Сколько спеси в этих словах!

Хочется привести и запись нашего летописца, который все брал на заметку. Его гусяное перо не пылилось:

«Рязанцы искони были горды и суровы. Но гордость и суровость не есть мужество».

Сеча произошла возле деревни Скорнищево. Москвичи изрядно потрепали самоуверенного Олега и его бойцов. Негодились рязанцам веревки, еле ноги унесли от Скорнищева. Сам Олег так бежал, что потерял щит, незнамо где оставил копье и меч.

Еще больше озлобился и искал всякий удобный случай, чтобы отомстить Дмитрию. Будет, будет ему скоро такой случай...

Ни дня спокойной жизни не было у Дмитрия. Вот такая это судьба — быть

* — здесь и далее указаны годы правления

великим князем. Тверской властитель Михаил не хуже Олега вострил на Москву каленые стрелы да мечи булатные. Правда, до сечи не дошло. Поостерегся. Видно, участь Олега образумила. Дмитрий без боя сумел взять Михаила в плен. За него заступился один видный татарский мурза. Михаила отпустили с Богом, но злобного яда в душе у него, понятно, не поубавилось.

А все напасти, обрушились на Дмитрия оттого, что пуще всего заботился о сохранении страны, ее единении.

Расчленив Московское княжество во сне и наяву желали удельные князья. Издали к Москве присматривался жадным оком литовский князь Ольгерд.

Мало татар — еще один беспощадный иноземец.

И двинулся Ольгерд на Русь двумя колоннами. Одна — на Ржев, вторая — южнее. Литовцам казалось, что так удобнее окружить Москву.

— Брат! — позвал Дмитрий Владимира. — Иди, прогони литвяков из Ржева. Бери под свое начало мою дружину, веди ее. Верю: вернешься на коне!

И двоюродный брат великого князя не обманул его ожиданий. Владимиру сопутствовал успех. Чужеземцы позорно бежали из Ржева, разгромленные москвичами. Поражение на этом участке не остановило Ольгерда. Собрался с силами, поставил под свои стяги новые полки и снова двинулся на Русь, круша все на свете. Как же все в истории повторяется! Захватчики с запада обычно начинали наступление на Москву через Смоленск: кратчайшая дорога на нашу столицу. Этим путем двинулся в свой поход Ольгерд, получив известие, что князь Смоленский Святослав (еще один недруг!) со своими силами вольется в литовское войско.

Опасность! Дмитрий разослал повсюду гонцов с призывом к ратникам: защищать Москву.

Ольгерд шел на великое княжество с возможной по тем временам скоростью. Что же увидел тогда великокняжеский летописец?

«Ольгерд, как лев, свирепствовал в российских владениях».

Это правда. Литовцы мало чем уступали в жестокости варварам из Золотой Орды. Убивали безоружных, хватили всех подряд в плен, жгли селения, казнили нескольких преданных Москве князей.

— Какое войско у Дмитрия? — спрашивал Ольгерд у пленных.

— На тебя хватит, — храбро отвечали русские люди. — Будет тебе в Москве подарок.

Их тут же убивали за дерзкие речи.

В шестой день декабря 1371 года Ольгерд расположился станом возле Москвы. С ним рядом был и предатель князь Смоленский Святослав, который несколько не сомневался — он скоро займет великокняжеское кресло.

Почти полмесяца завоеватели разоряли московские посады, жгли пригороды. Подошли к каменному кремлю, да обломали зубы. Не пожечь каменные стены и не перелезть через них: сверху поливали неприятелей кипятком да жидкой смолой, посыпали градом стрел.

В тот год москвичам здорово помог еще один «воевода» — мороз.

Тем временем князь Владимир, отошедши от Ржева, собрал крепкое войско и собирался ударить Ольгерду в тыл. На помощь Москве шли с востока полки ратников. Не ожидал такого Ольгерд. Сильно огорчился князь Смоленский Святослав — рукой подать до великокняжеского терема, но видит око, да зуб неймет. И увидел Ольгерд: не праздновать ему победу на московском Боровицком холме. Ноги бы унести. Да ведь не так просто: оказался в окружении русских полков.

И тогда запросил мира у Дмитрия. Не желает он, Ольгерд, кровопролития, литовцы настроены вполне миролюбиво, уверял великого князя: «Хочу быть тебе вечным другом». Сколько в этих словах вероломства! Разумеется за таким «миролюбием» скрывался страх и желание убраться по добру по здорову.

Дмитрий разгадал хитрость Ольгерда. И заключил с ним перемирие.

Ольгерд, великий князь Литовский (1345—1377), поставил целью расширить свое Литовское княжество. Почти всю жизнь провел в походах. Дважды одерживал победы над Тевтонским орденом, сумел присоединить часть западнорусских земель. Но этого ему было мало, и он стремился подчинить себе Московскую Русь. Трижды совершал неудачные походы на Москву. Последний из них Ольгерд, уже будучи старцем, предпринял в 1372 году. Он мечтал дойти до Поклонной горы и оттуда продиктовать князю Дмитрию Ивановичу свои условия. Но не смог Ольгерд дойти до Поклонной горы. Передовой отряд московских дружинников встретил литовцев гораздо раньше, разгромил войско чужеземцев.

Ольгерд был крайне самоуверенным человеком. Еще раньше он заявил русским послам, что завладеет Русью. Вручил им зажженный фитиль и сказал: «Отвезите этот факел вашему князю. Я скоро буду в Москве с красным яйцом прежде, чем этот фитиль погаснет. Истинный воин не любит откладывать: вздумал и сделал».

Вот так всегда рассуждают самонадеянные полководцы. Но все их честолюбивые помыслы разбиваются на поле брани с русскими.

ТЕМНИК МАМАЙ

Еще одна опасность надвигалась из южных степей. Более серьезная, чем литовская.

В Золотой Орде возвысился до того мало кому известный Мамай. Он числился темником — ему подчинялось великое войско: тьма. Отсюда и звание военачальника.

Власть Мамаея особенно возросла после того, как хан Бердибек отдал за него свою близкую родственницу. И отныне управлял всем хитрый, властолюбивый Мамай. Не так царю поклонялись татары, как темнику.

Что же у Мамаея на уме? Неудержимое желание стать властелином над многими государствами. Как Батый, внук Чингисхана. Вот на кого он хотел быть похожим.

Он станет вторым Батыем! И о нем, Мамае, будут петь степные певцы, славать легенды, а русские летописцы напишут о нем, поставят в один ряд с величайшими воинами.

Одно пока мешают: быстрое возвышение москвитя Дмитрия. Пора его наказывать, напомнить, кто есть истинный властитель в с е я Р у с и.

Все удачно складывается для Орды. Смута на Руси. Распри, ссоры между удельными князьями.

Своими мурзами, военачальниками, воинами Мамай весьма доволен. Умелы. Отменно владеют оружием. Беспощадны.

Как раз в то самое время Золотую Орду посетил один путешественник любопытный. Персидский историк. Не побоялся отправиться в дальнее и, прямо скажем, опасное странствие. Ему хочется правду знать об Орде, о которой недобрая слава шла по всему свету. И историк оставил для потомков такую запись: «Татаро-монголы имели мужество львиное, терпение собачье, преду-

Мамай — темник у хана Золотой Орды Бердибека. Уже к началу своего нашествия на Москву, в 1379 году, полностью захватил власть в свои руки, но ханом именоваться не мог, так как не был потомком Чингисхана.

Поражением Мамаея на Куликовом поле решил воспользоваться его давний соперник — хан Тохтамыш.

Битва в приазовских степях закончилась поражением Мамаея. Он искал убежища в городе Кафе (ныне — Феодосия), но жители убили его, желая захватить награбленные сокровища.

Так бесславно закончился жизненный путь темника Мамаея.

смотрительность журавлиную, хитрость лисицы, дальnozоркость ворона, хищность волчью, боевой жар петуха, почтительность курицы к своим ближним, чуткость кошки и буйство вепря при нападении».

Видно, неплохо персидский историк знал повадки хищников.

Скоро, очень скоро русским людям придется лицом к лицу встретиться с этим диким воинством.

И на себе почувствовать эту нечеловеческую силищу.

И позорно проиграть первые же столкновения с Ордой.

БИТВА НА РЕКЕ ПЬЯНИ

Надо еще раз напомнить: вот уже полтора века татаро-монголы почти беспрепятственно хозяйничали на русской земле. Полновластные хозяева, они всю разбойничали в уделах и волостях. Князья с поклоном являлись в Сарай, столицу волжскую, где сидели ханы. Подати платили исправно. И иноплеменники полагали: так будет продолжаться вечно. Не учли только, что страна помаленьку, как после тяжкого заболевания, оправлялась. Топтали Русь, но язык сохранился, чтислись древние обычаи, предания. Русские, как и прежде, верили в истинного Бога, чтисли святых отцов православной церкви.

Сопrotивление помаленьку нарастало, но пока стихийное, плохо организованное. Таким оказалось столкновение с татарами на реке Пьяни, событие довольно печальное для русских людей.

Стояли погожие дни лета 1377 года. Ничто не обещало несчастья.

В эти дни Русь отмечала сразу два чудесных праздника: Происхождение честных древ Животворящего Креста Господня. Этот день еще назывался Спасом, селяне считали спасительным и полезным делом купаться в освященных водах. Пчеловоды именно в этот день начинали качать из сотов мед и несли его в церковь для освящения.

А на следующий день воздавали почести Святому Стефану, покровителю лошадей.

Именно в эту начальную пору августа, или зарева, как его тогда называли, один из ханских военачальников по имени Арапша, считающий себя царевичем, пошел на Нижний Новгород «крепко пограбить». Тысячи татарских конников вторглись во владения нижегородского князя Дмитрия Константиновича.

Арапше непервой грабить русские земли. И на этот раз шел по волжским

селам уверенно. Чтобы кто-то встал на его пути? Да не бывать такому!

Дмитрию Константиновичу заранее сообщили, что на горизонте со своими воинами появился Арапша. И прежде такое случалось: терпели, мирились. На сей раз выиграло ретивое — князь на свой страх и риск решил поставить варварам заслон. И призвал воевод потягаться с Арапшой, дабы показать, кто истинный хозяин на берегах матушки Волги.

Из ближних и дальних сел потянулось к Нижнему Новгороду ополчение.

Новгородский князь не известил о своих намерениях князя Дмитрия.

— Без Москвы управимся!

Не поняли еще нижегородцы: только взявшись за руки, можно одолеть лихо.

Горевал наш летописец:

«К несчастью, ум предводителей войска не соответствовал числу и подготовке войска». Обидное замечание, но верное.

Коварные татары близко. Через несколько часов они будут у стен города. Что надо делать в первую очередь? Конечно же укрепить оборону, умело расставить полки, выбрать место для сражения, да такое, чтобы враг оказался в ловушке.

Что же мы видим на деле? Русские так понадеялись на собственную удаль, что вовсе забыли о приближающихся татарских всадниках. Какие заслоны? Помилуй Бог, какая оборона? Совестно

писать, но одни воеводы именно в эти августовские дни, отметив праздники, увлеклись охотой на зверя. Другие рассеялись по окрестным селам, предались безудержному веселью, позабыв об оставленных в лагере доспехах, даже сулицы, метательные дротики не насадили на рукоятки. За такую беспечность жестоко поплатилось русское воинство, забывшее, что враг имеет львиное мужество, хитрость лисы, зоркость ворона...

К тому же Арапша, коварный царевич, сумел обмануть сторожевые посты нижегородцев. В мордовских селах отыскались предатели, и они показали, как быстрее и незаметнее достичь лагеря Дмитрия Константиновича. И татарская рать пошла этими тайными путями.

Пять татарских полков напали на лагерь нижегородцев, причем подошли кружным маневром — с тылу. Нижегородские воины, еще не отойдя от охоты и хмельных застолий, не смогли оказать врагу должного сопротивления. Татары громили их безжалостно. Кто-то пытался спастись вплавь по реке, но от-

равленные стрелы настигали беглецов. Лагерь подвергся полному разгрому. И сейчас, спустя столетия, без горечи нельзя читать летописных строк:

«Татары, одолев христиан, стали на их костях. Один из наших князей, жестоко преследуемый, прибежал к реке Пьяни, бросился на коне в воду и утонул, с ним утонули многие бояре и воины. Князь же нижегородский, оставшись без войска, побежал в Суздаль».

Арапша беспрепятственно двигался к Нижнему Новгороду и, захватив, отдал город на разграбление своей рати. Татары на славу поразбойничали — сожгли 32 церкви, перебили монахов в монастырях, в полон забрали молодых мужчин, женщин, детей.

Надо ли говорить, как опечалился великий князь Дмитрий, когда узнал о позоре нижегородцев! А князь Дмитрий Константинович и не думал виниться. Вместо того чтобы просить помощи у Москвы, сам с остатками дружины пошел войной на мордву — мстить за

то, что показали Арапше потаенные пути-дороги. Нашел предателей, привел к реке Пьяни и там утопил всех без разбору. Пострадали и ни в чем не повинные люди, но месть слепа, не слушает голоса разума.

Много несчастий натворил Дмитрий Константинович на мордовской земле. В злобном остервенении воины травили людей собаками, топили в прорубях, сжигали деревни.

Обо всем это доложили темнику Мамаю. Мордовская земля тоже находилась под пятою Золотой Орды. Как же не наказать русских за такое самоуправство?

Вызван в золототканый шатер мурза Бегич.

— Бери войско. Накажи русских. Никого не щади. Всю их землю оповести: велик гнев Мамаю.

Бегич пал ниц перед темником, который по своему положению был куда могущественнее престарелого хана.

— Будет исполнено, о великий царь!

Мамай обожал, когда его величали царем.

«И ПОМОГ БОГ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДМИТРИЮ»

Татары надеялись, что новый поход на Московское княжество станет таким же победным, как на реке Пьяни.

А уж как хотелось отличиться мурзе Бегичу! Свою рать он отлично подготовил. На многие версты растянулось войско иноплеменников — конница, пехота, тысячи кибиток. Нашествие должно сломить русских людей, как когда-то это удалось Батыю. Так повелел Мамай своему верному мурзе.

В отличие от нижегородского князя, Дмитрий готовился к битве со всем старанием, подбирая опытных бойцов, воевод.

Полки Дмитрия Ивановича вышли из Москвы. Все ближе и ближе две великие силы. Столкнулись на берегах речки Вожи, между Рязанью и Москвой.

Еще издали русские увидели огромное число веж — татарских кибиток и шатров. Слышались гортанные крики иноземцев, звуки бубнов.

Впереди русского воинства вместе с великим князем ехали на боевых жеребцах воеводы Данила Пронский и Тимофей Вельяминов, самые закаленные в боях мужественные военачальники. И неподалеку, в крытой повозке, в черном монашеском одеянии, вслед за великим князем двигался книжник-летописец с пергаментным свитком, с хорошо отточенными гусиными перьями.

Послушаем рассказчика тех дней:

«В год 6886 (1378) ордынский поганный Мамай послал Бегича ратью на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую.

Встретились с татарами у реки Вожи.

По прошествии немногих дней, татары, переправившись на эту сторону реки, нахлестывая коней своих и закричав на своем языке, пошли рысью и ударили на наших. А наши ринулись на них: с одной стороны окольниковый Тимофей Вельяминов, с другой — князь Данила Пронский. Ударили в лоб татарам. И те бросили копья свои и побежали за Вожу, а наши стали преследовать их, рубя и коля, и великое множество перебили их, а многие из них в реке утонули.

Приспел вечер, зашло солнце, померк свет, сделалось темно, и нельзя было гнаться за реку. На другой день стоял сильный туман. А татары как побежали вечером, так и продолжали бежать в течение всей ночи. Князь же великий в этот день только в предобеденное время пошел вслед за ними, преследуя их. А они далеко убежали. И наехали наши на брошенное поле, на становища их. Все оружие и добро было брошено — все убежали в Орду. Дмитрий, великий князь, вернул-

ся в Москву. Так посрамлены были окантные враги.

И прибежали они в Орду, к своему царю Мамаю. Мамай же, увидав разгром рати своей, остатки которой прибежали к нему, сильно разгневался и разъярился злобой...»

Так 11 августа 1378 года произошла битва на Воже. На Пьяни татары торжествовали победу. На Воже испили горечь поражения.

До главной и решающей битвы на поле Куликовом оставалось два года.

ПОСОЛЬСТВО К МАМАЮ

На всю Русь прозвучали гордые слова Дмитрия:

— Отступило время от наших врагов. Господь с нами.

Но иначе думал Мамай. Он полагал, что надо лишь лучше подготовиться к походу, и тогда Пьяна победит Вожу.

Уже скоро в Москву прилетели грозные вести: Мамай собирает неисчислимое войско, зовет наемников от многих народов. Он решил сокрушить Дмитрия и всех других князей, чтоб неподобно было восставать против «истинных хозяев земли Русской».

Дмитрий желал избежать нового татарского нашествия. И послал в Орду боярина Тютчева, чтобы тот предложил Мамаю мир.

— Довольно повоевали, пора договориться.

И посольство Тютчева с дорогими подарками отправляется вниз по Волге, где неподалеку от ее впадения в Каспийское море, раскинулась столица Золотой Орды — Сарай.

Тютчева провели по аллее, по обе стороны ее горели костры: все, кто пред-

стает перед Мамаем, должны очиститься огнем от злых духов, чужих богов.

Мамай восседал в просторном шатре, расшитом золотыми и серебряными нитями. По кругу восседали приближенные темника, на коврах и пуховых подушках расположились жены властелина.

Только вошел в шатер Тютчев, как Мамай швырнул в лицо боярина снятую с ноги туфлю. И залился злым смехом:

— Подари князю! Ха-ха-ха! А еще вручу тебе кнуты и заставлю твоего князя пасти мои стада и табуны. У меня их о-о-о как много, ты видел, когда ехал степью ко мне. Мне и моим мурзам полезно будет посмотреть, как московский князь пасет коров и лошадей. Тютчев не поднял туфлю. Он даже не поклонился Мамаю, готовый скорее принять смерть, чем унизиться перед высокомерным татаринном.

— Все в руках Господа, — сказал Тютчев. — Никому не дано предугадать, как повернутся события. Но вовсе не так, как ты думаешь.

Не трудно представить, как поразили мурз бесстрашные слова русского посла. Вот сейчас Мамай повелит схватить боярина, прилюдно казнить.

Но Мамаю чем-то пришлись по душе речи Тютчева.

— А ты, боярин, не труслив. Это хорошо. Не побоялся моего гнева. Я ценю таких людей. И хотел бы тебя, Тютчев, видеть великим Московским князем после того, как уничтожу твоего господина. То время близко. Сейчас мои люди покажут тебе мои полки. Да, мои воины разговаривают на разных языках, я взял наемников от разных народов, но у всех одна мысль — разорить твое княжество. Если хочешь, послужи мне, Тютчев, и сядешь на великокняжеский престол.

— Мамай, а как бы ты поступил с мурзой, который предал бы тебя? Простил бы такую измену?

— Боярин Тютчев, твоя речь показывает, что ты честный служивый. Я мог бы приказать утопить тебя в Волге. Отсечь тебе голову. Повесить на дереве. Но я так не сделаю. Живи. Передашь Дмитрию мою грамоту. Мои воины проводят тебя до границ Московского княжества и там отпустят.

Назавтра Тютчев тронулся в обратный путь. Его познакомили с грамотой.

«От царя Мамаю слуге нашему Дмитрию Московскому.

Рука моя сильна. Приди ко мне, поклонись. Попроси прощения за твое неповиновение.

Если не сделаешь этого, я пущу огонь по твоей земле, а тебя предаю смерти».

Не мог боярин Тютчев подать такую унижительную грамоту князю.

И как только татары на берегу Оки отпустили его, Тютчев разорвал бумагу темника и кинул в реку.

В СТАНЕ МАМАЯ

Чаша гнева Мамаю переполнилась, когда он увидел, что «слуга Дмитрий Московский» и не думает ехать в Сарай с поклоном и податями.

Что ж, русские сами уготовили себе смертные муки. Русь будет разорена!

На военном совете Мамай заявил:

— Пришло время. Я пойду по следам Батю. Государство русских будет истреблено. Пеплом станут их города и селения. Камня на камне я не оставлю от их христианских церквей. А кто живой останется, пусть примет нашу веру.

И несметные полчища двинулись вверх по Волге, по всем дорогам, ведущим в сторону Москвы.

Мамай нимало не сомневался в исходе нашествия на Русь.

Объявились у него и новые союзники-друзья.

Один из них — князь Рязанский, Олег.

Одного из своих сыновей Олег послал в Золотую Орду со многими дарами и грамотой такого содержания:

«Восточному великому и свободному, царям царю Мамаю. Радоваться тебе! Слышал я, господин, что хочешь ты идти на Русскую землю, на слугу своего князя Дмитрия Московского. Теперь, господин и пресветлый царь, настало твое время — золотом и серебром, и богатствами многими переполнилась земля Московская. Князь же Дмитрий, человек христианский, как услышит слово ярости твоей, сразу же убежит в дальние пределы свои. Либо в Новгород Великий или на Белоозеро. А золото и серебро, великий Мамай, останется в твоих руках.

Меня же, раба твоего Олега, власть твоя пощадит. Царь, ведь ради тебя я крепко устрашаю Русь и князя Дмитрия. Знай, что я принял великую обиду от Дмитрия, он же не тревожится о том, что город мой Коломну себе захватил.

И о том, царь царей, посылаю тебе свою жалобу».

Но на этом Олег не остановился. Злейшему врагу Московского княжества литовскому князю Ягайло писал рязанский князь вот что:

«Великому литовскому владетелю. Радоваться тебе великой радостью! Известно мне, ты давно замышлял на князя Дмитрия, хотел изгнать его из Москвы и самому завладеть Москвой.

Княже, настало ныне наше время!

Ибо великий царь Мамай грядет на Дмитрия и на землю его.

И сейчас, княже, нам надо обоим присоединиться к Мамаю. Он даст тебе город Москву да и другие города, что ближе к твоему княжеству.

А мне отдаст город Коломну, город Владимир, город Муром.

Княже Ягайло! Я послал своего гонца к царю Мамаю с великой честью и многими дарами. Сделай так ты. Пошли к нему своего гонца с дарами и грамотой. А когда будем вместе, исполнятся все наши желания, и получим большие выгоды».

Ягайло немедленно откликнулся на зов Олега. Он посылает к Мамаю посла, обещает помогать ему, клянется дружбой.

«Господин царь, свободный Мамай! Пусть придет власть твоего правления и в наши места».

Мамай высоко оценил усердие Олега и Ягайло:

«Царь Мамай приветствует вас за восхваление ваше и великое к нам благорасположение».

Олег торопит Мамаю. Не терпится ему уничтожить Дмитрия:

«Царь царей, выступай скорее на Русь. Пусть погибнет нечестивый Дмитрий».

Вот такой заговор плелся вокруг великого князя Московского. Ведь рязанский князь ничем не обнаруживал сво-

ей неприязни к Дмитрию, напротив, всячески показывал ему свое самое дружеское расположение. Когда поторапливал Мамай «скорее выступить на Русь», Олег предупреждал, якобы дружески, что Дмитрию грозит опасность и ему надо как следует подготовиться к встрече с басурманами.

И писал в Москву:

«Мамай со своим царством идет в землю Рязанскую против тебя и меня. А с ним Ягайло. Но еще рука наша высока. Бодрствуй и мужайся!»

Ягайло, сын Ольгерда. Сначала великий князь Литовский (1377—1392), позже стал королем польским (с 1386 г.). Отличался жестоким нравом; сразу после восшествия на престол расправился со всеми своими противниками. Одних умертвил, других вынудил покинуть пределы княжества.

В 1380 году стал союзником татарского «царя царей» темника Мамай и князя Рязанского Олега. Цель этого союза заключалась в том, чтобы разгромить московского князя Дмитрия Ивановича. Войска Ягайло спешили соединиться с Мамаем. Да не успели. Узнав о жесточайшем поражении Мамай, Ягайло повернул свое войско и ушел в Литву не солоно хлебавши.

МЕСТО СБОРА — КОЛОМНА И МОСКВА

Не догадываясь об измене Олега, великий князь догадывался, однако, о грядущих бедствиях.

Не было никакого сомнения, что Мамай готов на все. Возвратившийся в Москву боярин Тютчев доподлинно подтвердил намерения татар.

Великокняжеский летописец с тревогой выводил пером:

«Поднялись сильные ветры с моря на устье Дона и Днепра, пригнали большие тучи на Русскую землю. Из них выступают кровавые зори, трепещут в них синие молнии».

В один из июльских дней 1380 года с юга на взмыленных конях прибыли гонцы. Это были сторожа на заставах Московского княжества. Один из них по имени Андрей Попов, вошел в княжескую теремную палату, когда там праздновался один из церковных праздников.

Андрей Попов пал перед великим князем на колени:

— Государь земли Русской, не время сейчас распивать сладкие меды. Пошел на тебя Мамай. Силы ордынские велики. Идут быстро. Сейчас подошли к реке Воронеж.

— Сторожа мои верные, не можете ли вы сказать, какова на деле рать Мамаева? Так ли велика, как он говорил нашему послу Тютчеву?

Сторож южной московской заставы Андрей Попов отвечал:

— И сами мы хотели это увидеть. Для того тайком объехали расположения татарских ратей. Конца и края им не видно. От топота конницы земля трясется.

О, кажется, поход Бегича и битва на реке Воже ничего не стоили по сравнению с тем, что обещало сокрушительное нашествие Мамаю с его тьмами тьмущами...

Так повелось с ранних лет: как только трудно становилось великому князю Дмитрию, рядом с ним, зови не зови, непременно оказывался младший двоюродный брат Владимир Андреевич, князь Серпуховской.

— Брат мой, князь великий! — сказал Владимир. — Сей же час я поеду собирать полки. Потеря каждой минуты смерти подобна.

Дмитрий и Владимир обнялись. Договорились встретиться в Коломне. Там наметили сбор русской рати.

И Владимир, и иные князья, и воеводы поскакали во все концы страны. Над городами и селами зазвучал клич:

— Поднимайся, русское воинство!

— Собирайтесь, ополченцы!

— Всем собраться под стягом великого князя Дмитрия!

— Идти на Москву, затем на Коломну!

Каким же долгожданным был этот зов! Как опостылело русским людям ненавистное татарское иго!

Били шведов.

Били немцев.

Но на татаро-монголов еще ни разу не поднимались.

Вот он, священный час, — позвала Москва!

От края до края сплотилась Русь.

В те времена ни одно дело не свершалось без Божьего благословения. Исполниться благодати Св. Духа считалось непременным условием при начале посевной, при сборе урожая, строительстве церквей, монастырей.

У ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

Мы возвращаемся к началу нашей повести, когда к преподобному Сергию в Троицкий монастырь приехал великий князь Московский.

Дмитрию исполнилось 30 лет. К старцу он явился не потому, что так велел обычай, — так повелела его душа, подсказал разум. Никто наперед не знает, какая судьба ждет человека на поле брани. И единственное, что может дать успокоение, утвердить в правоте своего дела, — это принять Божье благословение.

Отец Сергей к своему преклонному возрасту был известен по всей Руси. Верили в его пророческий дар, в божественную избранность. Никто не сомневался, что сам Господь покровительствует преподобному, благоволит его иноческому подвигу.

Верили, что преподобный обладает чудодейственной силой, которую может даровать только Бог. Из уст в уста передавался рассказ, как в церковь пришел дьявол с бесами — в островерхих шапках, топая копытами, косоглазые (бесов описывали так же, как татарских баскаков и мурз). И желали эти «воры и разбойники» сровнять церковь с землей, разорить ее. Не подразумевали ли под этим и его служителей Мамаю? Бесы зубами скрежетали: «Беги, преподобный, отсюда, не живи здесь». Тогда Сергей поднял крест, призвал на помощь Господа, и бесы, ненавидящие Бога, мигом исчезли.

Верили и в то, что Господь, возлюбив старца, прислал к нему ангела, и тот всегда был рядом.

Вот почему не к митрополиту, не в какой-нибудь другой монастырь, а именно в Троицу направился Дмитрий накануне предстоящей битвы.

— Божий угодник, избранник Христов, награди силой, придай духу мне.

Скоро Мамай вступит на нашу землю. Он грозитя покрыть Русь пожарами, залить ее кровью. Идут на нас несметные полки, посчитали — не менее двухсот тысяч человек. Помоги мне, преподобный, вразуми.

И Дмитрий склонил чело перед Сергием. И тот сказал:

— Великий князь, господин, тебе дано заботиться о славном нашем народе. Иди смело против безбожных. Бог поможет тебе. Ты победишь и вернешься в свое отечество.

Сергий окропил князя святой водой, осенил крестом.

— Великий князь, я отрываю от себя двух самых мне дорогих иноков — Ослябю и Пересвета. Им вручаю кресты, да послужат они тебе в твоём ратном подвиге.

Было начало августа. Три заботы мужику в этом месяце — косить, пахать да сеять. Говорилось, что в августе серпы греют, вода холодит. Люди несли в церковь святить мед, кропили лошадей святою водою. Русь жила обычной жизнью, выполняя августовские обряды.

И, глядя на мирную деревенскую жизнь, любуясь купающимися в реках табунами лошадей, приветствуя пахарей и косарей, великий князь думал о том, что ему в великом испытании поручено спасти княжество от полного разорения, а народ — от гибели.

Что ж, ради этого стоит жить!

ТРЕМЯ КОЛОННАМИ — НА МАМАЯ

О Мамае ни слуху, ни духу. Может, передумал идти на Москву, повернул назад, в свое логово?

И сторожа-разведчики один за другим отправляются в южные степи, чтобы разузнать: где Мамай, что с ним, каковы его замыслы.

Донесли сторожа — никуда Мамай не делся. Свой план у него.

Привезли пленника, одного из приближенных «царя царей». Это был ценный «язык» — он сообщил, что Мамай остановился в ожидании литовского войска Ягайло. Назначены день и место встречи.

— Только ли Ягайло пойдет против Москвы?

И тут выяснилось то, чего меньше всего ожидал великий князь. Оказывается, к Мамаю решил присоединиться и князь Рязанский Олег. Так, грозящая Руси опасность утроилась.

Коварство Олега ошеломило Дмитрия. Такие слал дружеские письма! Но вот, наконец, проявилось его подлинное лицо — изменника.

Что ж, пусть Мамай ждет, не торопится. Но русское войско не станет топтаться на месте, ждать у моря погоды. Каждый потерянный день прибавляет Мамаю силы.

Небывалый случай. На клич великого князя откликнулись такие города, как Ростов, Углич, Кашин, Касимов, Владимир, Муром, Переяславль-Залесский, князья которых еще недавно «тянули на себя одеяло». Даже дальние города, например, Великий Устюг, прислал дружину, а до Москвы ни много ни мало — восемьсот верст. Явились белозерцы, псковичи, такие всегда независимые новгородцы. Вот что значит почувствовать общую беду! В едином порыве поднялась страна против басур-

ман, встала под черный стяг великого князя Московского. Вмиг отошли в сторону пустые споры, кровавые распри.

Пора в поход!

Летописец так опишет этот день:

«Князь великий Дмитрий Иванович сел на своего любимого коня. И все князья и воеводы оседлали коней своих. Солнце на востоке ясно сияло. Указывало путь».

Через железные ворота трех каменных башен — тремя колоннами — покидали столицу.

Фроловские, Никольские, Константино-Еленинские ворота позади. Дорога к югу, туда, где, как показала разведка, «сторожа», Мамай ждет литовцев и рязанцев.

Три колонны... Решение верное. Собранное огромное войско только тремя дорогами могло споро, не мешая друг другу, идти навстречу врагу. А тут пошли проливные дожди, дороги раскисли, полки на одном тракте смешались бы, обозам вовсе не стало бы ходу.

Первой колонной командовал сам Дмитрий.

Он, опередив всех, переправился по наплавному мосту через Москву-реку, удачно пересек болотистое Замоскворечье и вступил в дремучие боры, в то время совсем близко подступавшие к московским посадкам.

Средняя колонна шла по так называемой Болвановской дороге, мимо Таганки, к Большим и Малым Каменщикам — поселкам, где обитали мастера кирпичного дела.

Третья колонна скоро ушла в лесные чащи, ведущие к городку Бронницы.

Три нерасторжимых людских потока.

На целые версты растянулись колонны войск со всем своим снаряжением, обозами, груженными доспехами, амуницией, фуражом, довольствием.

Конные полки.

Дружины ополченцев.

И обозы, обозы, обозы...

Пожалуй, никогда до этого Русь не собирала в кулак такое громадное войско под одним знаменем.

Три разные дороги, а привести они должны к старинной Коломне — второй столице Московского княжества.

Колокола всех коломенских церквей могучим медным оркестром встречали боевую рать.

Если верить свидетельствам очевидцев, в Коломне собралось более ста пятидесяти тысяч воинов.

На холме, близ Девичьего поля, князь Дмитрий со своими сподвижниками принимал великую русскую рать.

ПРИШЕЛ СПАС — ВСЕМУ ЧАС

Левый берег Оки. Многоцветное Девичье поле на окраине Коломны. Здесь из трех разрозненных колонн Дмитрий начал формировать единое войско, под единым командованием.

Всех ратников — пеших и конных — свели в шесть полков. Вот они:

Большой полк.

Передовой полк.

Полк правой руки.

Полк левой руки.

Сторожевой полк.

И еще один, тайный, — Засадный.

Каждый полк будет знать свое место. Свое время для вступления в бой. Свой маневр. В Коломне, может быть, впервые в русской истории, сформировалась боееспособная русская армия. По ее образцу составлялись в будущем российские полки.

Разведка сообщила: Мамай не стал дожидаться союзников и двинулся к верховьям Дона.

Вот как? Есть не так далеко отсюда просторное поле — Куликовское. Там надо встретить врага. Не Мамай выберет место для сечи, но великий князь Дмитрий! Так вперед же, не мешкая! Не дать никакой возможности для встречи с татарами и литовцами!

Дмитрий проявил себя мудрым военачальником, когда решил идти навстречу Мамаю в обход селений, тайными дорогами, прячась от посторонних глаз. Маршрут удлинялся на триста верст, зато сбивал с толку мамаево войско. Татарские воеводы растерялись, они никак не могли понять, где находится со своими полками Дмитрий.

6 августа на Руси — Преображение Господне. Еще его зовут Спасом яблочным. Люди несли в храмы яблоки, чтобы освятить их. На полях завершалась жатва, колосьями украшались дома.

Про этот августовский день говорили в народе: «Пришел Спас — всему час».

В восьмой день сентября русские воины оказались на левом берегу Дона, вблизи впадения в него реки Непрядвы.

Простая поговорка приобрела для воинов великого князя особое значение — грозный час пришел для отечества. И образ Христа Спасителя был изображен на стяге Дмитрия.

Пришел Спас — всему час...

Изловили татарского лазутчика.

— Знает ли Мамай, где русские?

— Мамай думает, что они еще в Коломне.

— А что думает Мамай о числе русских воинов?

— Он думает, что их не больше двадцати тысяч, да и те необучены. Как увидят татар, побегут. Да бежать будет некуда.

— Почему же?

— А Мамай все рассчитал. Побегут на запад — там их встретит Ягайло. На восток — там попадут под стрелы рязанских воинов.

По всем расчетам выходило, что Мамай через день-два подойдет к Непрядве. Он и не подозревает, что тут стоят москвиты.

Теперь предстояло решить, где дать бой татарам.

На военном совете разгорелся спор. Одни воеводы доказывали: лучше ос-

Владимир Андреевич — двоюродный брат Дмитрия Донского, князь Серпуховской, по прозвищу Храбрый. Внук Ивана Калиты. Действовал всегда рука об руку с Дмитрием. Во время татарской опасности остался верным союзником Москвы и проявил себя мужественно на Куликовом поле. Во время нашествия на Москву хана Тохтамыша разгромил один из татарских отрядов у города Волока Ламского. Верно служил и Василию I, сыну Дмитрия Донского.

таться на левом берегу. Укрепленный тыл. Густые дубравы. В случае неудачи есть где укрыться.

И тогда слово взял князь Владимир Андреевич, брат Дмитрия:

— Дон надо перейти обязательно. Выбросить из головы все мысли об отступлении. Да, Мамай силен, но его ведет месть и злоба. Мы стоим за свою отчину, за свой дом. Не в силе Бог, но в правде. Наш великий предок Александр Невский, реку Неву перейдя, победил короля. Разобьем Мамаю — все спасемся. Проиграем — все погибнем, общую смерть примем. Поднимем ратников святым словом. И вперед!

— И вперед! — вскричали воеводы.

Князь Дмитрий поддержал брата:

— Лучше честная смерть, чем злая жизнь. Когда река за спиной, никому не

придет в голову отступать. Навяжем Мамаю бой, где нам удобно. И не станем медлить.

И теперь уже все воеводы и князя воскликнули:

— Вперед! Веди нас, великий князь!

Плес у реки Непрядвы. Здесь завизжали пилы, застучали топоры — справлялись сплотки бревен для наплавного моста. Стволы крепко стягивались веревками, покрывались хворостом. Тугие сплотки выдержат не только пехоту, но и конницу.

На противоположный берег первым вступил Дмитрий. Неподалеку, возле дубравы, ему ставили шатер. Огромное поле расстилалось перед великим князем. Кое-где овраги. Перелески. Но в основном — ковыльная степь.

Куликово поле... Ему стать величайшим на Руси ристалищем.

Скоро почти все войско переправилось через Дон. На левом берегу остались лишь городки — зажитья: запасами съестных припасов, фуража да пустые обозы.

Близился Спас — всему час.

ПОЛКИ ПОСТАВЛЕНЫ КРЕСТОМ

Темны августовские ночи. Густы утренние туманы. Утром сквозь них не проступали даже перелески и редкие холмы. Точно молоком заволокло степь, лишь поблескивали слезинки росы на ковыльных стеблях.

Постепенно марево таяло, рельефно проявились окрестности — возвышения, линия дубравы в желтеющей кроне, похожей на золотистые шлемы воинов.

Солнце начало прогревать землю. «И исполнились все полки, и возложили на себя доспехи, и стали в боевой порядок возле устья реки Непрядвы», — торжественно отметил летописец.

Со своего командного пункта Дмитрий внимательно оглядывал приближающееся войско татар. И впрямь, оно было неисчислимо — тут разведчики не ошиблись. На дальнем конце поля вырос шатер Мамаю. Шатер венчал достаточно высокий холм, заросший поздними красными цветами, оттого его и обозначили на карте под именем Красного холма. Под копытами татарских кобылиц сотрясалась степь. Вдали, за спинами татарской орды, полыхал огненный восход. За Непрядвой взмыл вверх журавлиный клин. И где-то над головой, совсем рядом, слышался орлиный клекот.

Дмитрий на белом жеребце объезжал полки. Его встречали радостными возгласами.

Летописец, следующий за великим князем, старался все как есть запомнить:

«Знамена шумят. Простираются, как облака, тихо трепещут. Хоругви богатырей русских, как живые колышутся. Доспехи русских сынов, словно вода, что при ветре колеблется. Шлемы золоченые на их головах, как заря утренняя в ясную погоду, светятся».

Куликово поле, освободившееся от тумана, открылось для сечи. С разных сто-

рон его обрамляли малые речки и протоки. Текли они в ложбинах с глинистыми берегами. Единственное место, где не было водоема, — юго-восточный угол открытого пространства, там, где высился Красный холм.

Речка Нижний Дубик — правый приток Непрядвы. Сама полноводная Непрядва — правый приток Дона. Отсюда эта степная река течет к югу, где скоро вольно разольется, раздвинет берега. А вот правый приток Дона — Смолка. В ее водах зеркально отражается крепкая мощь столетней дубравы. Ложбины. Неглубокие овражки. Покатые холмики. Все брал в расчет великий князь. От местности многое зависит: как поставить армию, где обойти врага, где затаиться, куда в первую очередь направить конницу.

Шесть полков поставлены на поле в виде креста. Центр, два рукава, левый и правый фланги. И хорошо укрепленный тыл.

Разумеется, не только религиозное чувство подсказало именно так расположить полки. «Крестовое построение» обещало ратникам лучшее маневрирование во время сечи, давало возможность скорее сокрушить передовые линии татар, разорвать его фланги, обескровив центр.

Не все, наверное, получилось так, как было задумано. Битва не всегда подчиняется заранее составленному плану. Но в конечном счете великий князь Дмитрий со своими полководцами не ошиблись.

Ядро воинства — Большой полк. Командование им взял на себя сам Дмитрий. Именно в самой середине построения реял великокняжеский стяг с ликом Иисуса Христа. Москвичи, суздальцы, владимирцы образовали Большой полк.

Справа — полк Правой руки.

Слева — полклевой руки.

Ими руководили храбрейшие воеводы и князья: Андрей Ростовский, Андрей

Стародубский, Василий Ярославский, Федор Моложский.

Но не этим полкам принимать первый кровопролитный бой.

На самое острие атаки поставлены полки Сторожевой и Передовой. Сюда вошли иноки Троицкого монастыря Ослябя и Пересвет — ближайшие сподвижники преподобного Сергия. Монахи, они были вооружены мечами, поверх доспехов — черные рясы, вместо клобука, монашеского головного убора, — шлемы.

В дубраве, рядом с речкой Смолкой, затаился Засадный полк Владимира Андреевича. Вот так, как говорилось в старину, войска «исполчились».

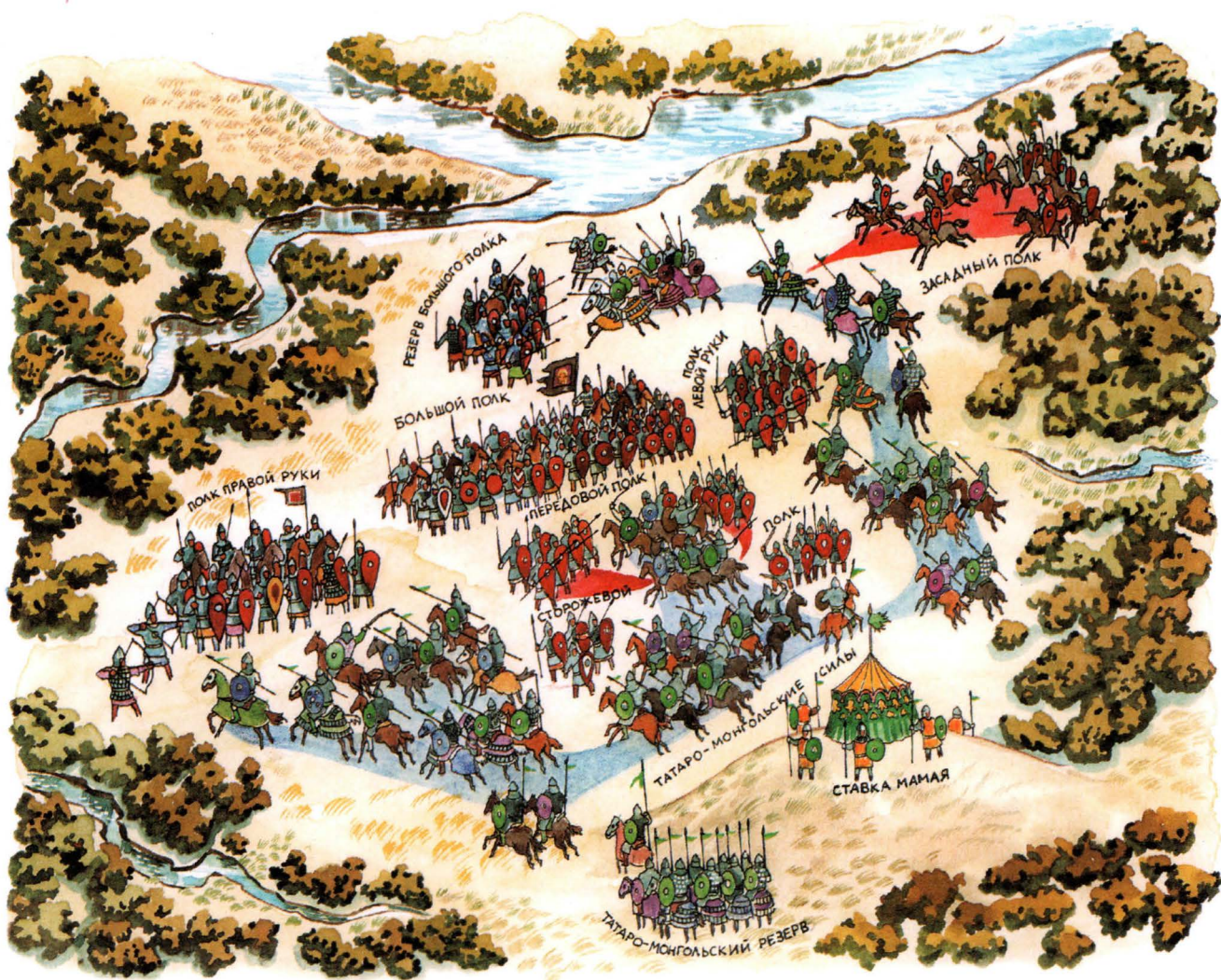
А как стояли татары?

Их полки выстроились в одну сплошную линию — это было так называемое фронтальное построение. В середине — пехота из генуэзских наемников, по бокам — татарская конница.

Что же задумал Мамай? А просто: он предположил, что с самого начала битвы прямая линия станет сгибаться в дугу, подобно луку, и охватит москвитов с флангов, сжимая их клещами, забирая в капкан.

Мощной стеной стояло мамаево войство.

Темные кафтаны. Треугольные меховые шапки. Черные щиты из буйволиной кожи. Пехота оцетинилась копьями, над головами всадников поблескивали сабли.

Пехотные части походили на так называемые «фаланги», используемые в незапамятные времена еще Александром Македонским: копья воинов вторых, третьих, четвертых, пятых рядов положены на плечи впереди стоящих.

Таким образом оцетинившийся строй становится грозным и неприступным. Если, конечно, не ударить по нему с флангов.

Итак, татары выдвинули вперед фаланги.

Неширокая полоса ковыльной степи разделяла две армии.

Шел восьмой день сентября. Считанные минуты оставались до начала боя.

Великий князь опустился перед стягом на колени.

— Владыко, — молился он, — взгляни своим оком на моих воинов, услышь наши молитвы. Помоги нам!

И, сев на коня, произнес перед своим полком такую речь:

— Братья мои милые, сыны русские, все от мала до велика. Уже, братья, приблизился час грозный. Мужайтесь, крепитесь, Господь с нами, сильный в битвах. Каждый из вас пусть теперь изготовится. Уповайте на Бога живого!

Пусть поведет вас за собой образ Святой Богородицы, чей светоносный праздник отмечает сегодня Русь!

Ветер развевал полковые знамена. Запели трубы. Дмитрий сбросил великокняжеский красный плащ, блеснули на солнце его стальные доспехи.

Вот как описывает наш летописец самое начало боя:

«Близко сошлись сильные полки. Тогда вперед выдвинулся злой печенег из татарского войска, перед всеми доблестью похваляясь, видом страшный, пяти сажен высоты, трех сажен в плечах. И увидел его Александр Пересвет, инок Троицкого монастыря: «Этот человек ищет себе подобного, я хочу с ним сразиться. Отцы и братья, простите меня, грешного. Брат мой Ослябя, моли Бога за меня. Всем мир и благословение».

И Пересвет бросился на огромного печенега. Тот устремился навстречу. И ударились крепко копьями, едва земля не переломилась. И свалились оба с коней на землю и скончались».

Так ли было? Правда ли это? Вымысел? Трудно сказать. Красивая легенда: не выбросим ее из нашего повествования.

— С нами Бог! Вперед! — командовал великий князь.

Русские стегнули коней. Пехота с копьями наперевес бросилась на татарские линии.

Со стороны Красного холма слышалось пение мулл — на своем гортанном языке они зывали к Аллаху.

На Куликовом поле смешались ряды русских и татар.

Где же великий князь? Воеводы уговаривали его уйти с поля боя, остаться на командном пункте у шатра. Напрасно. Дмитрий сказал, что он, воин, будет рядом со своими воинами.

— Но если мы тебя потеряем, то как нам быть? — молили великого князя его помощники. — Кто об нас память сотворит? Мы будем как стадо, не имеющее пастуха.

Дмитрий не послушался воевод. Не захотел прятаться от опасности и, может быть, даже смерти.

— Братья, не могу видеть вас побеждаемых. Хочу с вами общую чашу ис-

пить. И, коль придется, умереть с вами той же честной смертью.

И ринулся вперед со словами:

— Настал час храбрость свою показать. С нами Бог!

Над гривой его коня блеснул меч...

Мамаева конница стронулась с места, мигом столкнулась с первыми рядами Передового полка. Грудь в грудь.

Татары наседали с невиданной силой. Так получилось, что Передовой полк состоял в основном из неопытных ратников, ранее не участвовавших в боях. Это

были крестьяне, ремесленники городских посадов, более привычные к сохе и топору. В опасный для Отечества момент они толпами записывались в ополченцы. Сражались храбро, побили много врагов, но устоять не смогли. «Труп падал на труп», — с горечью отметит летописец.

Неравными оказались силы в центре. Передовой полк на глазах терял лучших своих бойцов. Однако им удалось хоть немного сдержать лавину татарских конников, помочь стоящему чуть позади Большому полку.

Татарам везло. Им удалось пробить брешь в фронтовых линиях и позициях

русских. Сеча становилась все более грозной и кровавой. Татары шли напролом, их не останавливали понесенные потери. Сверкали сабли. Раздавались глухие удары мечей о щиты; наконечники копий ломались о бронь доспехов. Кони сбивались в кучи, вздымали передние копыта, истошно ржали. Стоны. Крики ярости. Хрипы раненых и умирающих.

Летописец спешил записать увиденное:

«И был треск, и гром великий от переломленных копий, и от стука мечей. В этот горестный час никак нельзя бы-

до обозреть все свирепое побоище. В один только час, в мгновение ока, погибли тысячи душ человеческих. Неослабно бились христиане с погаными».

Летописец не стал умалять мужества и воинской доблести татар. О, они умеют сражаться! Ордынцы хорошо обучены, верны своему Мамаю.

А Мамай радовался. Он видел, что его воинам удалось разорвать ряды Большого полка. И вот еще одна незабываемая минута — горстке татарских конников удалось прорваться в глубь русских позиций, вплоть до возвышения, где на ветру реял черный великокняжеский стяг. Возле него завязалась

нешуточная схватка. Путь к стягу был устлан телами русских воинов.

Казалось, Куликово поле навеки забудет цвет белого ковыля и окрасится в алый цвет. Уже торжествовали мурзы и Мамай на Красном холме. Сейчас к ногам «царя царей» падет знамя великого русского князя. Уже кто-то сказал Мамаю, что Дмитрий пал в сечи — он не смог сдержать нападение трех татарских всадников, и в дубраве, на берегу Смолки, лежит его хладный труп.

— Доставить! — повелел Мамай.

Рядом с шатром распечатывалась бочка с вином, привезенным из Крыма наемниками-генуэзцами.

Есть в любом сражении миг, в котором заключена некая таинственная сила. Его можно назвать мигом удачи. Или мигом поражения. Но именно в это мгновение по неведомому стечению обстоятельств решается, кому быть побе-

дителем. Вот оно, это мгновение. С десятков татарских всадников, разметав ополченцев, нахлестывая коней, все ближе подбирались к заветному древку с красным полотнищем, на котором — вышитый золотыми нитями лик Господа. Татарские руки тянулись к древку... Потеря стяга означает резкий поворот боя, победу татар.

И тогда несколько воинов, во главе с монахом Ослябей, двинулись басурманам наперерез. Град отравленных стрел обрушился на татарских всадников. Кони под ними споткнулись. Один из всадников перелетел через голову лошади и был затоптан своими же воинами. Стальная сабля опустилась на шею второго татарского всадника. Ряды передовшего Большого полка выровнялись. Оставшаяся кучка татар была добита возле великокняжеского стяга. Кто-то высоко поднял спасенное знамя. Полотнище билось на ветру.

На позициях полка Правой руки татарам повезло куда меньше.

Поначалу, как и в центре, татары с гиканьем налетели на передовые посты русских, но ратники тут оказались куда опытнее. Они отбили яростную атаку. Удалось даже продвинуться вперед, но воеводы остерегались: если Большой полк вырвется вперед, то обнажится правый фланг, и татары этим непременно воспользуются. Ни в коем случае нельзя было нарушать линию фронта, пока не подтянутся тылы.

С высоты Красного холма Мамай наблюдал за тем, что творилось на поле битвы. Он едва успевал отдавать распоряжения. Сильно огорчился, когда ему доложили, что великокняжеский стяг взять не удалось. Досадовал, что разведка неправильно оценила численность

русской армии. Назывались цифры: двадцать пять-тридцать тысяч бойцов. Оказалось в пять-шесть раз больше. Рязанский князь Олег убеждал, что в Москву явятся лишь отдельные князья, большинство же не откликнется на призыв Дмитрия. Оказалось, почти все уделы и города Руси пришли к Непрядве.

Позиции Правого полка не удалось одолеть. Здесь понял Мамай: не ожидать удачи. И тогда он распорядился бросить весь наличный резерв войск на линии полкалевой руки, пробиться через овраг, ударить по москвитам с тылу.

Замысел-то был недурен. Одного не учел Мамай: лощина реки Смолки и ответвляющиеся от нее овражки оказа-

лись куда более глубокими, чем виделось с Красного холма. Коннице не удалось слету одолеть это пространство. Потерян был темп. Однако несколько тысяч всадников, а за ними и пехота пробili цепи русского полка, хотя и с огромными потерями. Татары форсировали верхнее течение реки Смолки. Полку угрожало окружение. Началось лихорадочное отступление к глинистым обрывам Дона.

Татары торжествовали. Раздавались их ликующие возгласы.

Сейчас русские станут в спешке и панике переправляться на противоположный берег. На переправе их настигнут меткие стрелы.

На глазах развалился полклевой руки. Он был смят, в результате чего обнажился фланг Большого полка. Ему тоже грозило полное окружение. Все

русское боевое построение подверглось смертельной опасности.

Татарская конница с пронзительными криками догоняла остатки полка левого фланга. Резервные части пытались пресечь неудержимый полет татарских всадников. Но эти мимолетные стычки лишь отдалили исход битвы. Переломить ее уже не смогли.

Вдруг в русском войске пронесся слух, что на поле боя нет великого князя. Последний раз его видели на окраине дубравы, где Дмитрий со своей свитой сражался с превосходящим отрядом басурман. Убит? Тяжело ранен? Никто толком ничего не мог сказать. Словом, все шло к полному и неотвратимому поражению.

— Победа! Победа! — гонцы татарских полков полетели к Красному холму. — Царь царей! Великий Мамай, московиты бегут, князь Дмитрий убит.

Да рано торжествовали. Не знали татары о спрятанном

за дубовой чащей Засадном полке князя Владимира.

Из лучших дружин составлен Засадный полк. Он хорошо укрылся под сенью леса между Смолкой и Доном.

Командиры полка выжидали. Уже стало известно, что ордынцы разгромили полк Левой руки. Уже слышался торжествующий гул Мамаевой конницы.

Князь Владимир Андреевич, брат Дмитрия, готов был немедленно бросить своих ратников в бой.

Однако опытный воин, воевода Боброк-Волынец, просил не спешить.

— Князь, пусть татары проникнут глубже в расположение наших войск. Ближе подойдут к Дону.

Поспешность в нанесении удара могла иметь такие же катастрофические

последствия, как и нерасторопность ратников на левом фланге.

Боброку с большим трудом удалось сдержать наиболее ретивых командиров, требующих без промедления ввязаться в сечу. На любой войне есть эдакие буйные головушки, но в том и состоит воинская наука, чтобы угадать минуту или час, когда ввести в бой пехоту или конницу. Нетерпение проявлял и князь Владимир Андреевич, но он доверял Боброку-Волынцу. Засадный полк — последняя надежда русской армии, и в случае его разгрома надеяться уже не на что. Тогда Куликово поле станет братской могилой воинов Московского княжества.

Наконец Боброк-Волынец сказал князю:

— Приспело наше время. Княже, посылай дружины на басурман!

И Владимир Андреевич возглавил решительный и мощный бросок Засадного полка на татарскую конницу, которая и думать не думала, что за ее спиной окажется неуправляемая лавина русских всадников.

Поистине неожиданным был этот удар для татар. С высоты Красного холма Мамай увидел быстроногую конницу, выпущенную из дубравы, как из пращи. «С яростью бросились русские, как соколы на дичь», — так напишет летописец.

И правда, истомившийся в укрытии Засадный полк крушил врагов с неслышанной силой.

Право, Мамай ничего не понимал. Казалось, он уже держал в руках свою победу, предвкушал счастливый миг: Московское княжество окончательно разгромлено. И вдруг...

Сокрушительная атака на тыл татарской конницы сразу изменила весь ход сражения. Мамаевы части сами оказались в окружении, и, чтобы избежать пленения, стали лихорадочно переправляться через Непрядву.

Атака Засадного полка вселила победный дух воинов Большого полка и полка Правой руки, хотя они и понесли огромные потери. Взметнулись над головами воинов знамена. Запели трубы полковых музыкантов, ударили барабаны. И еще один удар обрушился на татар.

Мамаеву орду охватила паника. Гонцы поскакали к Красному холму, требуя подкреплений. А их-то и не было. Мамай так был уверен, что его полки победят во фронтальной атаке и замкнут русских в кольцо, что не позаботился о запасных отрядах. Гонцы докладывали, что орда держится из последних сил. Да Мамай и сам все прекрасно понимал: все ближе к его командному пункту подступали русские меченосцы, лучники, алебардчики.

Сеча для татар обернулась позорным поражением. Уже не гонцы скакали к Красному холму, но вестники гибели.

По полю беспорядочно метались татарские кобылицы с мертвыми всадниками. Степь была завалена трупами погибших.

Князь Владимир — его скоро назовут Храбрым — рубил басурман налево и направо, тем самым поднимая к бою упавших духом бойцов Левого и Правого полка.

Значительно превосходя численностью русских, Мамаево воинство обратилось в бегство, позорное и беспорядочное. Бросали раненых, никто не уносил с собой даже поверженных военачальников. Куда там! Уже и сам Мамай велел подать себе свежих коней. Удирая с Красного холма, опасаясь пленения, он даже забыл взять казну — ве-

ликое множество денег, обещанных победителям.

Остановить Засадный полк было уже нельзя. Вместе с воеводой Боброком-Волынцем воины гнались за татарами, уничтожая их или забирая в плен. В пятидесяти верстах от Куликова поля протекала река Красивая Меча. Немногим басурманам удалось ее переплыть.

Сумел со свитой удрать Мамай. Вместе с остатками своего воинства он бежал далеко на юг. Скоро этот злополучный «царь царей» встретится со своим давним соперником, претендентом на золотоордынский престол ханом Тохтамышем. И будет разгромлен. Мамай попытается найти убежище на южном берегу Крыма, в генуэзской колонии. Но кому нужен побежденный «царь ца-

рей», проигравший подряд две битвы и потерявший трон? Его убьют коварные генуэзцы.

Татары разгромлены. Где же великий князь Дмитрий Иванович? Если он геройски погиб, следует найти его тело. Если ранен, то ему нужна немедленная помощь.

Тела десятков тысяч мертвецов покрыли ковыльную степь. Отыскать Дмитрия среди гор трупов оказалось нелегким делом. Но вот к князю Владимиру поднесли на руках раненого воина по имени Стефан. Он поведал, как бился с басурманами в свите Дмитрия Ивановича. Татары оттеснили великого князя с его ближайшими боевыми товарищами к лесной опушке. Дмитрий бился из последних сил, но враги превосходили числом. Уже истекая кровью, Стефан увидел, как один из наемников оглушил князя, нанеся удар по шлему. Что было дальше, ратник не помнил, но указал место, где происходила эта ожесточенная сеча.

Дмитрия искали несколько часов. На поле полегло несметное количество русских воинов.

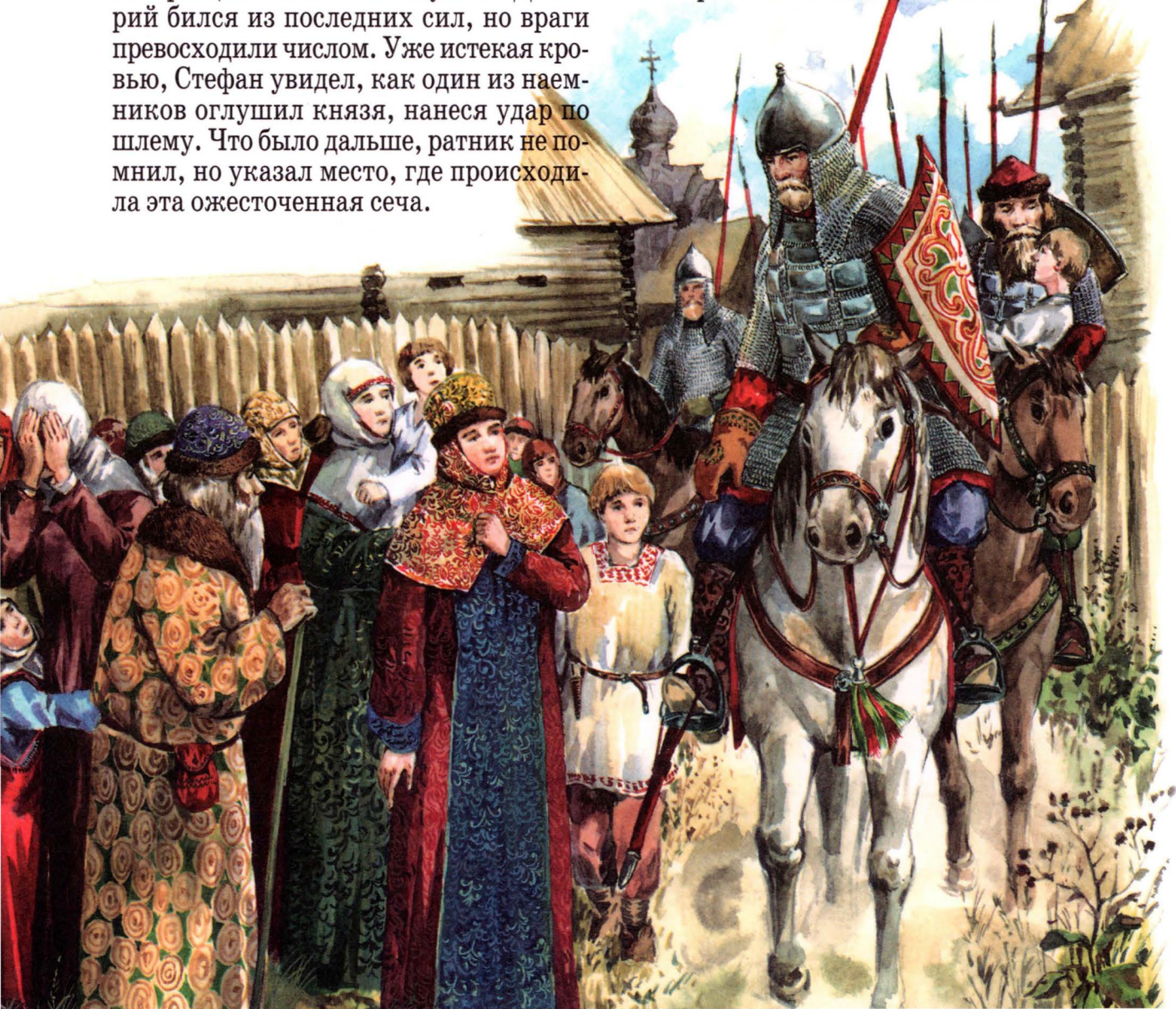
И все же среди груды мертвых тел в лесистых зарослях, на берегу речки Смолки, великого князя нашли.

Жив! Он был жив!

Владимир наклонился над братом. Того положили на носилки, привели в чувство. Первое, что услышал Дмитрий, едва открыл глаза, были слова Владимира:

— Брат, твои воины рады сказать тебе: татары разбиты. И мы преклоняем перед тобой колени.

Похороны павших длились несколько дней. Братские могилы Куликова поля приняли почти сто тысяч павших

бойцов — такая это была страшная, до-толе невиданная на Руси сеча.

Когда армия двинулась обратно, стало известно: литовский князь Ягайло, узнав о разгроме татар, поспешно удался в Литву. Страшась возмездия, исчез Олег Рязанский.

Ликующие толпы встречали победителей. Благая весть о торжестве русского воинства опережала возвращающиеся колонны во главе с великим князем Дмитрием, уже названным Донским, и его братом Владимиром, которого народ окрестил Храбрым.

Пройдет время, имя Дмитрия Донского, «родоначальника русской славы», поставят в ряд с самыми крупными полководцами России.

И мы будто слышим сквозь голос древнего историка:

«Князь Дмитрий на страже земли Русской мужественно стоял, беззлобием отроку уподобляясь, а умом зрелому мужу. Неприятелю же всегда был страшен он в бранях, и многих врагов, на него поднимавшихся, победил. И славный город Москву стенами на диво всем оградил. И в этом мире прославился — словно кедр в Ливане вознесся и словно финиковая пальма расцвел.

* * *

Что могу прибавить к славе его, ибо неизмерима она, словно море, которое полно и без текущих в него рек. И не бывает, чтобы людям в начале жизни хвала была, но одним, когда возмужают, другим в старости. Думаю, что он ничем не уступал пчеле, медоточивые слова изрекая, из словесных цветов соты составляя, чтобы все ячейки сердец сладостью наполнить.

Никто из собеседников не мог уподобиться ему: божественную мудрость в сердце хранил и грубых слов в речи избегал, мало говорил, но много смыслил».

Тохтамыш. Дата его рождения неизвестна, умер в 1406 году. Тохтамыш был ханом Золотой Орды с 1380 года, когда Мамай потерпел сокрушительное поражение на Куликовом поле.

Тохтамыш решил напасть на Русь неожиданно. Шел, как пишут летописцы, «безвестно, изгоном, внезапно, со злохитрением».

Дмитрий Донской хотел встретить врага, как и прежде, в поле. Но ему не удалось на этот раз собрать большое число воинов, и он отправился в Кострому, чтобы в этом городе подготовить войско. Увы, на этот раз «между боярами и воеводами произошла распря».

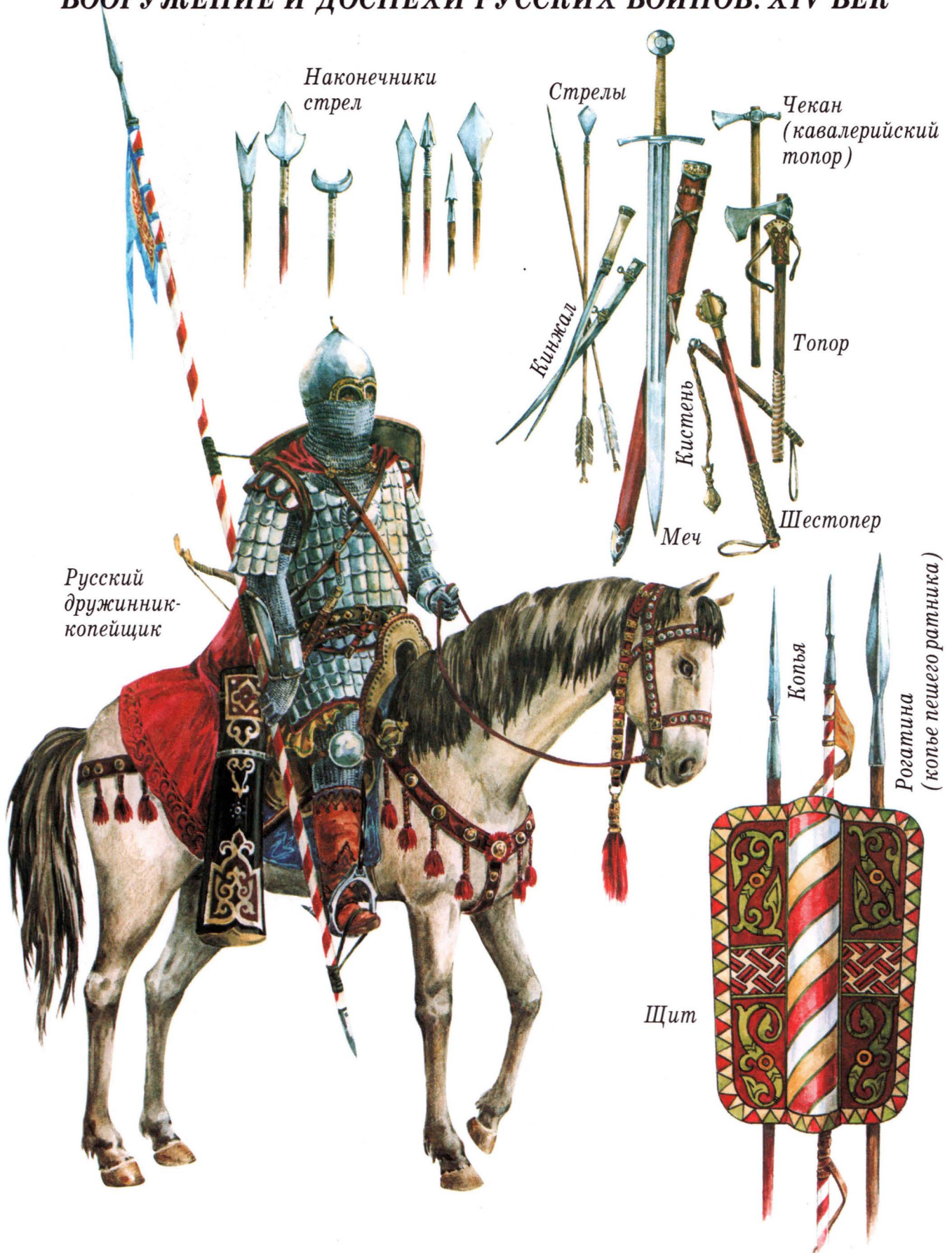
Ордынские полчища стремительно приближались к столице. В полдень 23 августа 1382 года татары подошли к Москве.

Татары пытались подняться по кремлевским стенам, но их обливали кипятком, сшибали камнями. Так продолжалось три дня. На четвертый день Тохтамыш вступил в переговоры с осажденными. Он просил встретить его с честью, взамен же обещал мир и любовь.

Москвичи поверили и скоро заплатились за легкоеверие. Москва подверглась страшному опустошению и разграблению.

Между тем под Волоколамском был разгромлен один из отрядов Тохтамыша. Татары быстро отступили от Москвы. Скоро великий князь возвратился в свою сожженную столицу и приложил все силы, чтобы заново ее отстроить.

ВООРУЖЕНИЕ И ДОСПЕХИ РУССКИХ ВОИНОВ. XIV ВЕК

ВООРУЖЕНИЕ ВОИНОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. XIV ВЕК

«Окоянные иноплеменники».....	3
Родичи.....	5
Младые лета Дмитрия.....	8
Недруги.....	11
Темник Мамай.....	14
Битва на реке Пьяни.....	15
«И помог Бог великому князю Дмитрию».....	18
Посольство к Мамаю.....	20
В стане Мамаю.....	22
Место сбора — Коломна и Москва.....	24
У преподобного Сергия.....	25
Тремя колоннами — на Мамаю.....	27
Пришел Спас — всему час.....	29
Полки поставлены крестом.....	32
Словарь «Вооружение и доспехи русских воинов. XIV век».....	46
Словарь «Вооружение воинов Золотой Орды. XIV век».....	47

Юрий Абрамович Крутогоров

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Для младшего и среднего школьного возраста

**Увлекательный рассказ о великой победе русских над
татаро-монголами на Куликовом поле**

Художник Михаил Иванов

Издательство «Белый город»

Директор К. Чеченев
Председатель редакционного совета А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Руководитель проекта Н. Астахова
Редактор Л. Жукова
Корректурa: А. Новгородова, Н. Старостина
Компьютерная верстка Е. Аквилянова
Сканирование Л. Морозова

ISBN 5-7793-0307-X

Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 года

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2,
тел. 176-91-09, 176-91-04, 176-94-63

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам
обращайтесь по адресу:
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2

Оптовые поставки — фирма «Паламед»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2,
тел. 176-68-95, 176-91-09, 176-80-97, 176-91-04,
176-94-63, 288-75-36, факс 176-68-09
E-mail: palamed@aha.ru

Розничная продажа:
Торговый Дом Книги «Москва»,
Москва, ул. Тверская, 8

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Дата подписания в печать 20.05.2001
Гарнитура SchoolBook; печать офсет,
формат 84 × 108, 1/16
Тираж 4000 экз.
Заказ № 0106621.

Электронный вариант книги:

Скан: LenAlis

Обработка, формат: manjak1961

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, признаны лучшими детскими книгами 2000 года.

Готовятся к выпуску:
АЛЕКСАНДР ОСВОБОДИТЕЛЬ
ИСТОРИЯ РУССКОГО ФЛОТА
СЛАВЯНСКИЕ МИФЫ
РУССКИЕ КОЛУМБЫ
БОГИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН
ИВАН ГРОЗНЫЙ
ЦАРИ И ИМПЕРАТОРЫ
РУССКИЕ ГОРОДА
М.В. ЛОМОНОСОВ

ISBN 5-7793-0307-X

9 785779 303071 >

ИСТОРИЯ РОССИИ

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

БЕЛЫЙ ГОРОД

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Русский дружинник-копейщик

Щит русского воина

Храбрым воином был князь Дмитрий

Воин Золотой Орды

Щит воина Золотой Орды

Воевода Арапша не сомневался: поход на Русь будет удачным!

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ СЛОВАРИ

Вооружение и доспехи русских воинов. XIV век

Вооружение воинов Золотой Орды. XIV век

БЕЛЫЙ ГОРОД

Все ближе заветная цель — русское знамя!

Но князь Дмитрий прогнал татар с Руси

Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования РФ